

Т. И. Ойзерман

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ
ИМПЕРАТИВ КАНТА
КАК ПРЕДМЕТ
КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Предпринимается всеобъемлющий и разносторонний анализ ядра кантовской этики — категорического императива. Автор рассматривает и анализирует критические замечания различных философов и исследователей философии Канта относительно категорического императива.

Im Beitrag ist eine allumfassende und vielseitige Analyse des Kerns der Kantschen Ethik, der kategorische Imperativ, unternommen worden. Der Autor betrachtet und analysiert kritische Bemerkungen verschiedener Philosophen und Kant-Forscher bezüglich des kategorischen Imperativs.

Метафизика, понятие которой возникло в связи с классификацией сочинений Аристотеля, предпринятой Андроником Родосским, понималась как *первая*, т. е. главная, философия. Натурфилософия, теория познания, философия истории, этика и эстетика не считались ее составными частями, т. е. рассматривались как вторичные по своему значению философские дисциплины. Кант был первым философом, который включил эти «второстепенные» учения в состав метафизики. Метафизика, таким образом, стала, согласно Канту, всем содержанием философии. Однако из всего этого содержания он выделил *этику* как главную метафизическую дисциплину. Нравственности (практическому разуму — по кантовской терминологии) принадлежит *примат* над теоретическим разумом, теорией познания и натурфилософией.

Что побудило Канта к такому радикальному перевороту в постановке философской проблематики? Это нельзя объяснить только особенностями личности философа. Несравненно существенней то обстоятельство, что он творил в эпоху первоначального накопления капитала, которая была описана знаменитым Т. Мором в его «Утопии» с великой обличительной силой. Нарождавшийся капитализм беспощадно разрушал не только патриархально-общинные отно-

шения, но и неотделимую от них систему нравственных норм. Дело доходило до того, как пишет Э. Соловьев, что «меркантилизирующиеся феодальные верхи насаждают в обществе безнравственную *интерпретацию самой нравственности*» [12, с. 127]. Именно против этой все более усиливающейся *релятивизации* нравственных норм решительно и выступил Кант. В противовес этическому субъективизму Кант абсолютизирует, универсализирует нравственные нормы, определяя всю их совокупность как *категорический императив*, безусловное повеление чистого, т.е. независимого от чувственных побуждений, разума. Такая теоретическая позиция чревата односторонностью; она *игнорирует* историческое развитие нравственности, ее зависимость от условий жизни людей. Но в этой односторонности не только слабость, но и громадное историческое значение морального учения Канта, которое вскрывает *непреходящее* в многообразном развитии морального сознания. Правильно отмечал талантливый исследователь проблематики нравственности О. Г. Дробницкий: «Кант не был бы классиком истории философии и этики, если бы ему удалось только выразить противоречия, проблемы и духовный опыт своего века. Его теория явилась важной вехой во всей истории этической мысли, сохранившей свое значение по сию пору» [4, с. 142].

Принципы нравственности, по Канту, априорны, имманентны человеческому сознанию, хотя и не являются врожденными. Отсюда следует вывод: нравственность самодостаточна и, следовательно, независима от религии. Этика, с точки зрения Канта, — сфера внутреннего человеческого законодательства. Этика значит, что от природы свободный человек (имеется, конечно, в виду чистый практический разум) сам для себя устанавливает нравственный закон. Однако кантовское понимание отношения между нравственностью и религией оказывается на деле более сложным и противоречивым, чем тезис: нравственность независима от религии. Подлинно нравственный человек необходимо приходит к вере в Бога. Это положение, конечно, несовместимо с тезисом о независимости нравственности от религии. Но таких несовместимостей в философии Канта (как и во всяком выдающемся философском учении) немало. Я отнюдь не считаю это недостатком: напротив, непосредственная рассогласованность есть вместе с тем *проблематизация* реального вопроса, постоянно встающего перед человеком, обществом, человечеством.

Чем же обусловлена, согласно Канту, необходимость веры в Бога? Кант, как это ни удивительно, имея в виду его априоризм, ссылается на повседневный человеческий опыт, который свидетельствует о том, что добрые дела сплошь и рядом не вознаграждаются, а напротив, оказываются пагубными для человека, в то время как зло, преступления приносят выгоду, способствуют успеху и далеко не всегда наказываются. Но справедливость, полагает Кант, есть нечто абсолютное. Попранная справедливость обязательно восторжествует. Поскольку это отнюдь не обязательно в реальной, посюсторонней жизни людей, следовательно, необходимо допустить существование загробной жизни и божественное возмездие. Эта вера в безусловное торжество справедливости характеризуется Кантом как «моральное доказательство» бытия Бога, которое, как он постоянно подчеркивает, не следует смешивать с *теоретическим, логическим*: последнее в принципе невозможно.

Важнейшее содержание категорического императива — понятие долга. Поэтому Кант заявляет: «... Прежде всего я должен быть уверен, что не поступаю противно долгу; только после этого мне позволено будет искать счастье...» [6, т. 2, с. 69]. Само слово *долг* характеризуется Кантом как возвышен-

ное и великое, которое не льстит людям, а требует подчинения. Перед сознанием долга замолкают все чувственные склонности, которые втайне противодействуют ему. Таким образом, понятие долга — априорное понятие чистого практического разума — решительно противопоставляется этике эвдемонизма.

Категорический императив *конкретизирует* понятие долга, т.е. указывает, как *должно* поступать, чтобы неуклонно следовать велениям совести. Показательно, что Кант не ограничивается одной его формулой, которая неизбежно вела бы к одностороннему его пониманию. Первая его формула такова: «Категорический императив, который вообще выражает то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона» [6, т. 2, с. 133]. Вторая, не менее значительная по своему содержанию формула этого императива, гласит: «*Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как средству*» [6, т. 1, с. 270]. Стоит подчеркнуть, что Кант именно эту формулу категорического императива выделит курсивом, придав ей тем самым особенно важное значение. Человек как разумное существо есть цель сама по себе, следовательно никто не должен относиться к нему как средству для достижения какой-то своей цели. Если первая формула категорического императива носит в значительной степени формалистический характер, то вторая характеризует *содержание* и нравственную направленность поступков. Из нее вытекает отрицание сословных привилегий (и сословий вообще), отрицание господства человека над человеком, отрицание власти, если она не признана (прямо или опосредованно) свободной волей свободного человека.

Третья формула категорического императива провозглашает свободную волю человека в качестве устанавливающей всеобщие законы: «Таким образом, *принцип воли каждого человека как воли, всеми своими максимами устанавливающей всеобщие законы*, если он вообще правильный, *вполне подходил бы для категорического императива* благодаря тому, что как раз из-за идеи всеобщего законодательства он не основывается ни на каком интересе, и следовательно, среди всех возможных императивов один только может быть *безусловным...*» [6, т. 1, с. 274]¹.

Последняя формула категорического императива определяет нравственное поведение человека как *гражданина*, действительного члена *правового* государства, который свободно подчиняется принятым в обществе законам, поскольку он соучаствовал в их принятии или по крайней мере одобряет их. Это согласие как акт трансцендентальной воли (ибо только она свободна) есть, следовательно, не просто психологически (эмпирически) объяснимое действие, а действие *социальное*. Этим самым расшифровывается понятие

¹ Поясняя третью формулу, Кант присовокупляет: «Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен *только своему собственному* и тем не менее *всеобщему законодательству* и что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы» (там же). Слова Канта об этой формуле категорического императива: «Среди всех возможных императивов один только может быть *безусловным*», — не следует понимать как отрицание безусловности двух других формул категорического императива. Речь идет лишь о «всех возможных императивах», в частности гипотетическом и ассерторическом. Можно также считать, что данная фраза является *неудачным* выражением действительной мысли Канта. Таких примеров в его сочинениях немало.

трансцендентальности в том смысле, в каком оно относится к гражданину, сознающему себя именно в этом смысле. Суть дела в том, что человеческий индивидуум — социальное, социализированное существо, неотделимое от социума, в рамках которого сложилось его индивидуально-социальное сознание. И как правильно отмечает О. Дробницкий, «сверхиндивидуальность» субъекта и есть действительный смысл понятия *трансцендентальный субъект*, смысл, который, по-видимому, не осознавался Кантом. «Тайна свободной воли не внутри механизмов в человеческой психике, а в том способе, каким личность относится к общественной реальности. Такова, по-видимому, разгадка кантовского "трансцендентального бытия" человека» [4, с. 146].

Категорический императив становится наиболее понятным и приемлемым, если его трактовать как моральный запрет на определенные действия, поступки, на что указывает А. А. Гусейнов. Так, Кант приводит в качестве примера моральную норму: не лги. Эта норма издавна считалась первостепенным условием нравственности. Ложь несовместима с доброй волей, которая, собственно, и есть моральное самосознание. Лжец, конечно, не может быть признан нравственным человеком. Кант с присущим ему идейным бесстрашием, особенно поразительным в духовной атмосфере тогдашней Пруссии, приводит примеры, когда вопреки обыденному, отнюдь не безнравственному человеческому сознанию предстоит сделать выбор между правдой и ложью. Представим себе, рассуждает Кант, что в вашем доме нашел убежище невинный человек, преследуемый убийцей. Убийца обращается к вам с вопросом: не в вашем ли доме скрывается этот человек? Вы знаете, что перед Вами убийца. Вправе ли с моральной точки зрения сказать: нет, этот человек не скрывается в моем доме? Кант *отрицательно* отвечает на этот вопрос, ибо *всегда* должно говорить *лишь* правду. Здесь-то и обнаруживается слабая сторона кантовского ригористического понимания требований нравственного закона. Сознывая универсальную значимость категорического императива, реальный человек в реальных условиях жизни людей *обязан* принимать во внимание все очевидные для него обстоятельства. Если, например, во время войны солдат оказался в плену, должен ли он рассказывать врагу о том, как расположена его часть, много ли в ней бойцов, какие другие части расположены слева и справа. Само собой разумеется, что солдат *морально обязан лгать*, дезинформировать противника. В ином случае он — предатель, существо, несомненно, безнравственное.

Категорический императив Канта требует: «Не убий!» Это требование не вызывает каких-либо возражений в обычной жизни людей. Убийство человека не просто безнравственно, это — уголовное преступление, подлежащее строжайшему наказанию. Однако все еще не перевелись войны. Нет необходимости доказывать, что нравственная заповедь «не убий» совершенно бессмысленна на поле боя. Не должно убивать военнопленных; это безнравственно. Безнравственно грабить захваченные территории врага. Безнравственно подвергать какому-либо насилию мирное население. Но враг, если он не капитулирует, должен быть уничтожен.

Следует со всей откровенностью сказать, что и в повседневной жизни требование «не убий» предполагает разумный учет обстоятельств. Должен ли, например, врач на вопрос умирающего больного, который, как это обычно бывает, все еще надеется выжить, выложить этому больному правду? Думается мне, что врач в данном случае не должен говорить больному правды. Да и просто в нормальной, скажем, даже счастливой супружеской жизни едва ли

следует всегда отвечать на вопросы правдой. Мне кажется, что если бы люди всегда и везде говорили друг другу правду, только правду, жизнь стала бы невыносимой. И тем не менее требование «не лги!» сохраняет свое значение во всех случаях, когда к нарушению этого, пожалуй самого человеческого, требования не вынуждают весьма и весьма серьезные обстоятельства. Да, Кант, как я покажу далее, несмотря на категорический императив, признает необходимость такой оговорки.

Все эти соображения против абсолютизации категорического императива неоднократно высказывались и высказываются кантоведами. А. Риль, например, писал: «...Категорический императив есть только формула, которая должна служить тому, чтобы в определенных случаях знать наш долг; при этом он не является принципом нашего поведения» [10, с. 26]. Нельзя, конечно, согласиться с тем, что категорический императив лишь «в определенных случаях» указывает наш долг. Нет, он, конечно, вообще указывает наш всегдашний долг. А то, что категорический императив не является «принципом нашего поведения», верно лишь в том смысле, о котором говорил Кант: никто, пожалуй, не поступал во *всех* случаях согласно этому нравственному закону. Однако Кант вовсе не считал, что требования категорического императива в принципе невыполнимы. Если бы это было так, то данный закон нравственности потерял бы значение закона, превратился бы в некое утопическое пожелание. С точки зрения Канта, если бы должное было неосуществимым, оно перестало бы быть должным.

Можно согласиться с А. П. Скрипником: «Человек не может поклоняться морали как некоему идолу, а если так иногда случается, то такой идолопоклонник в угоду своим интересам... может принести в жертву интересы окружающих» [11, с. 147]².

Категорический императив есть, согласно учению Канта, аутентичное выражение априорной, независимой от побуждений чувственности, свободы воли, понимаемой, в частности, как свобода выбора, т. е. произвольные действия, которые не следует смешивать с тем, что обычно именуют *произволом*. Эмпирическая воля, мотивы которой неизбежно носят чувственный характер, не может быть свободной, она находится во власти чувственных побуждений. Свободна лишь трансцендентальная воля, т. е. «вещь в себе» (или ноумен). Эту свободу воли Кант определяет как способность выбирать то, что разум признает добрым. Свободная воля — добрая воля. Отсюда однозначный вывод: «...свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и

² Однако нельзя согласиться со Скрипником, когда он утверждает: «Категорический императив, будучи выражением формального аспекта морального мышления о мире, столь же мало способен служить руководством к выбору нравственно положительных поступков, сколь мало формальная логика служит руководством к поиску истины» (там же). Формальная логика способствует предотвращению логических ошибок и в современной своей форме, как символическая (математическая) логика играет еще более значительную роль в процессе познания. Как отмечает в ряде своих публикаций Э. Ю. Соловьев, категорический императив придает универсальный характер моральным требованиям, которые высказывались на протяжении всей цивилизации. Кант, пишет Соловьев, в категорической форме выразил то, что «люди понимали *всегда* и *везде*». И далее: «Нет такого человеческого общества, которое не признавало бы абсолютного различия добра и зла, не порицало бы лжи, коварства и неблагодарности, не понимало бы, что благодеяние, оказываемое бескорыстно ("ради него самого") ценнее благодеяния, которое совершено под давлением страха, за вознаграждение или по каким-либо другим приводящим мотивам» [12, с. 122].

то же» [5, с. 101]. Иными словами, практическая (нравственная) свобода есть независимость воли от всякого закона, кроме нравственного, т. е. категорического императива. Но тут возникает вопрос, который почему-то не обсуждается Кантом. Моральные поступки, в том числе и тяжчайшие преступления, совершаются ведь не эмпирической волей, которая не свободна, согласно учению Канта. Эти противоречащие нравственности деяния, поскольку они совершаются индивидуумом, суть проявления трансцендентальной (свободной) воли. Некоторые указания на это обстоятельство имеются в кантовском понимании *субъективности* радикального зла, присущего человеческой природе. Но Кант нигде не говорит о том, что свободная воля далеко не всегда подчинена нравственному закону. Тем не менее он все же не может не признать, что «...моральное зло должно возникнуть из свободы... склонность ко злу может укорениться в моральной способности произвола» [6, т. 1, с. 210].

Указанную двойственность в кантовском понимании свободы воли — как нравственной, так и не нравственной, как доброй, так и злой — отметил еще в 1888 г. английский философ Г. Сиджвик в статье, опубликованной журналом «Mind» (впоследствии эта статья вошла в его книгу: *Sidgwick H. Methodes of Ethics*, — последнее издание которой вышло в 1962 г.). Точку зрения Сиджвика пытались опровергнуть многие исследователи философии Канта, в частности Л. Бек (L. Beck), автор комментария к кантовской «Критике практического разума», Дж. Сильбер (J. Silber), Н. Поттер (N. Potter). Все они противопоставляли свободу воли произволу, который фактически характеризовался как некая негативная свобода, сдерживаемая чувственными побуждениями. Но у Канта нет противопоставления свободы произволу, в котором он видит необходимую форму проявления свободы воли. Он, правда, различает произвол, подверженный воздействию чувственных побуждений, но и это обстоятельство не делает произвол несвободой. Такого рода произвол является, по Канту, не чистой свободой. От него Кант отличает чистый произвол. «Произвол, который может быть определен *чистым разумом*, называется свободным произволом... *Свобода* произвола есть указанная независимость его *определения* от чувственных побуждений — это негативное понятие свободы произвола. Положительное же [ее] понятие — это способность чистого разума быть для самого себя *практическим*» [6, т. 2, с. 120].

Таким образом, нельзя не признать, что мы и здесь встречаемся с внутренне присущей каждой великой философской системе *амбивалентностью*, противоречивостью, рассогласованностью основных положений. И это, повторяю уже сказанное выше, не должно быть рассматриваемо просто как порок, логическая непоследовательность и т. д. Речь идет о весьма богатой содержанием амбивалентности. Ведь, в сущности, дело не сводится к амбивалентности учения Канта. Речь должна идти об амбивалентности познания и нравственности.

Критики этического учения Канта обычно обвиняют его в *ригоризме*, истолковывая последний как чрезмерно жесткую, безапелляционно категорическую трактовку моральных норм. Для такого обвинения имеются, несомненно, достаточные основания, как видно из предшествующего изложения. Да и статья Канта «О мнимом праве гнуть из человеколюбия» (1797 г.), безусловно, подтверждает оправданность этого обвинения. Но Кант, будучи в данном случае вполне последовательным, безоговорочно соглашается с тем, что он действительно стоит на позициях этического ригоризма. Более того, он утверждает, что отказ от ригоризма в этике ставит под вопрос безусловную обязательность нравственных норм. Хотя опыт, указывает Кант, предпочитает

среднее место между двумя крайностями, «для учения о нравственности вообще очень важно не допускать, насколько возможно, никакой моральной середины ни в поступках (*adiaphora*), ни в человеческих характерах, так как при такой двойственности всем максимумам грозит опасность утратить определенность и устойчивость» [6, т. 2, с. 23]. С этим аргументом, на мой взгляд, следует согласиться. Этические принципы должны быть формулируемы без всяких оговорок, но при их применении приходится *volens-polens* учитывать обстоятельства, чего не хотел признавать Кант и поэтому ошибался. А между тем в приведенном выше высказывании Канта как раз и указывается на необходимость учитывать обстоятельства. Ведь именно Кант говорит «*не допускать, насколько возможно*» отступления от неукоснительного исполнения моральных требований. Значит, он фактически допускает, что то или иное моральное требование окажется не вполне исполнимым. Иначе интерпретировать эту оговорку, на мой взгляд, невозможно.

Итак, этический принцип, формулируемый как абстрактное суждение, следует *конкретизировать* в повседневном применении. Пословица утверждает: нет правил без исключения. Это вполне может быть отнесено и к нравственной сфере, если исключение обосновано. Оно может быть обосновано моральными аргументами.

Кантовский категорический императив обычно подвергают критике как этический формализм. В этом следует разобраться. На мой взгляд, любой принцип не только в этике, но и в каждой области знания, если он формулируется как аподиктически всеобщий, неизбежно включает в себе определенный формализм. Это относится и к формулировкам законов природы, поскольку эти формулировки предлагают нечто «идеальное», например абсолютную пустоту, идеальный газ, идеальную жидкость и т.п. Однако кантовскому категорическому императиву присущ не только *необходимый* формализм, но и его ограничение, а в некоторых отношениях даже его отрицание. Я имею в виду вторую и третью формулировку этого нравственного закона. Человек не должен рассматриваться как *средство*; он должен быть целью как для себя, так и для других. Человек должен подчиняться лишь тем юридическим установлениям, которые принимаются с его непосредственно или опосредованно выраженного согласия. Конечно, и эти формулы абстрактны и, следовательно, в известном смысле не свободны от формализма, но они *содержательны*, и это их качество означает отрицание формализма.

Вопрос о содержательности категорического императива не относится, разумеется, к тем поступкам, цель которых — не следование долгу, а достижение чего-либо иного. Такие поступки характеризуются Кантом как соответствующие не категорическому, а условному (гипотетическому, или ассерторическому) императиву. Например, некий купец никогда не обманывает своих клиентов, рассчитывая (и не без оснований), что такое поведение принесет ему наибольшую выгоду. Следование нравственным нормам носит в данном случае *легальный* характер и к нравственности, собственно говоря, не имеет прямого отношения. Категорический императив, в отличие от условного, имеет лишь одно основание: сознание долга. Это значит, что нравственное поведение определяется не столько поступками, сколько лежащими в их основании *мотивами*, или, выражаясь языком Канта, *максимой*. В этом смысле категорический императив формулируется Кантом *безотносительно* к возможному, определенному содержанию поступка. «Существует императив, — пишет Кант, — который, не полагая в основу как условие какую-нибудь другую цель, достижимую тем или иным поведением, *непосредственно предписывает* это поведение. Этот императив категорический. Он касается не содержания поступка и не того, что из него должно последовать, а формы и принципа, из

которого следует сам поступок; существенно хорошее в этом поступке состоит в убеждении, последствия же его могут быть какие угодно — этот императив можно назвать императивом нравственным» [6, т. 6, с. 254—255].

Марксисты особенно подвергали критике опирающийся на учение Канта «этический социализм» — как принципиально несостоятельную теоретическую концепцию, противопоставляя ей *экономическое* обоснование исторической необходимости (и, более того, неизбежности) социалистического переустройства общества. Однако социалистический строй потерпел поражение в мирном соревновании с капиталистической системой, так как не смог обеспечить ни более высокой производительности труда, ни демократических преобразований. Что же касается программных лозунгов социализма: сокращение рабочего дня, улучшение условий труда, достойная заработная плата, пособия по болезни и безработице, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение и т. п., — то все эти лозунги претворены в жизнь в развитых капиталистических странах³.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что этика Канта, несмотря на ее великое историческое значение и ее актуальность в современную эпоху, все же подлежит основательной критике. Его убеждение в том, что идея свободы делает каждого осознавшего эту идею членом умопостигаемого, т. е. трансцендентного, мира, несомненно, несостоятельна. Несостоятельно и убеждение Канта в том, что каждый из нас существует и в посюстороннем, и в потустороннем мире, поскольку каждому из нас имманентно присущ чистый разум и добрая, или свободная, воля, которая, как и чистый разум, есть «вещь в себе». Само существование трансцендентного Кант неоднократно ставил под вопрос, но тем не менее не мог обойтись без этой лишь постулируемой реальности. Свобода, которая, согласно Канту, принадлежит не эмпирическому, существующему в пространстве и времени, а трансцендентальному (вернее, трансцендентному) субъекту, оказывается непознаваемой не только в этой своей ипостаси, но и в том, как она осуществляется в реальных, эмпирических условиях, объективное, безотносительно к человеческому сознанию существование которых отрицается Кантом. Как правильно отмечает немецкий исследователь И. Поттст, в философии Канта «свобода перенесена в трансэмпирическую область, и притом так, что она не может вступать в конфликт с несвободой в реальных общественных отношениях. Дихотомия двух миров, *alias* дихотомия свободы и несвободы, превращается в дихотомию науку» [3, S. 301].

П. Н. Новгородцев, выдающийся представитель российского кантианства, в основном разделяя этическое учение Канта и в принципе соглашаясь с тем, что моральный закон «есть как бы факт чистого разума, который мы сознаем

³ В то время как ортодоксальные марксисты третировали «этический социализм» как якобы враждебное интересам труящихся учение, скромная неортодоксальная марксистка Л. В. Коновалова писала: «Итак, какова та позитивная идея, из претензий на решение которой, собственно, и вырос этический социализм как самостоятельная философская школа. Позитивной мы называем эту идею потому, что она является реальной, представляющей действительный исторический интерес» [7, с. 317]. Одним из первых представителей этического социализма был глава Марбургской школы неокантианства Г. Коген, который писал: «Как этика, так и социализм не должны устранять идеи Бога как венца своего строения. Эта идея есть вера в могущество добра и надежда на торжество справедливости» [2, S. 10]. Современные социал-демократы, отказавшиеся от идеологии «научного социализма», стоят на позициях этического социализма, привлекая тем самым на свою сторону значительную часть электората из самых разных слоев населения.

в себе а priori и который для нас безусловно достоверен», тем не менее утверждает: «Его категорический императив боится соприкосновения с внешним миром и замыкает нравственную жизнь в область чистой воли» [9, с. 177].

Французский исследователь философии Канта А. Алкье отмечает: «Кант убежден, что если каждый человек искренне задается вопросом, он откроет в себе этот моральный факт, он обнаружит в себе моральное суждение. И если он спросит сам себя, каков объект этого морального суждения, и если он спросит, что есть истинно доброе, он ответит, что ничто не есть доброе в этом мире, если оно не есть добрая воля» [1, р. 35]. Алкье в принципе не согласен с этим убеждением Канта, хотя и разделяет его воззрение, что нравственное сознание не зависит от образования человека, уровня его культуры. Однако, в противовес Канту, Алкье настаивает на том, что нравственные суждения, рефлексия на нравственные темы предполагает определенный уровень культуры. Следовательно, умозаключения относительно того, что составляет главное в моральном сознании, далеко не каждому по плечу. Этот аргумент, пожалуй, не может вызвать возражения.

А. Франс считает, что высшим моральным принципом должна быть не справедливость, а снисходительность. Снисходительность, с его точки зрения, устраняет ограниченность справедливого морального решения. Но снисходительность предполагает добрую волю, она нуждается в доброй воле еще больше, чем справедливость. Поэтому А. Франс, по существу, не слишком расходится с Кантом, который считал, что категорический императив находится, так сказать, по ту сторону сочувствия, снисходительности, жалости.

Основоположник английской аналитической философии Дж. Мур выдвинул против этики Канта более серьезные возражения. Как критерий добра, утверждал он, так и само понятие добра субъективно, расплывчато, неясно. Кант, указывает Мур, «понимает моральный закон как императив. Такое понимание является общей ошибкой. "Это должно быть" обычно трактуется лишь в значении, что "это требуется". А следовательно, ничто из того, что не требуется, не могло бы быть добрым. Однако требования в том мире, в котором мы живем, могут быть ошибочными» [8, с. 207—208]. Мур в противовес Канту отстаивает, как ему представляется, более свободную, более конкретную этику, которая не может быть сведена к императиву, тем более к категорическому, т. е. безусловному. Поэтому он возражает против абсолютизации долга, т. е. основы кантовской этики. «Утверждая, что некоторый определенный поступок является нашим абсолютным долгом, мы тем самым утверждаем, что совершение этого поступка является, с точки зрения его ценности, чем-то единственным в своем роде. Но ни один обязательный поступок не может иметь единственной в своем роде ценности в том смысле, что он является единственной ценной вещью в мире...» [8, с. 232]⁴.

⁴ Поясняя приведенное высказывание, Мур пишет: «Для того чтобы показать, что какой-то поступок является долгом, необходимо знать, каковы же другие условия, которые вместе с данным поступком определяют и формируют его последствия... Этика поэтому не может дать нам список обязанностей» [8, с. 234—235]. Однако Мур все же признает: «...В некоторой степени возможно, что нам удастся выяснить, какая из наиболее вероятных альтернатив создает наибольшую сумму добра» [8, с. 235]. Следовательно, его возражения Канту, хотя и указывают на ахиллесову пяту этического ригоризма, несколько не опровергают основной идеи Канта: этика должна быть учением о должном; должное является такого рода поступком, максима которого может быть признана всеми.

Аргументы Мура заслуживают обстоятельного обсуждения, но и без него ясно, что Мур стремится опровергнуть то значение, которое Кант придавал понятию долга в этике. Выше мною уже указывалось, что требование «не лги», безусловно, выражает сущность категорического императива, но нельзя исключить ситуации, когда именно моральное чувство, человеколюбие или внешняя необходимость вынуждают моральную личность поступать вопреки этому абсолютному, по убеждению Канта, долгу.

Таким образом, как ни существенны критические замечания в адрес этики Канта, они не могут подорвать ни значения категорического императива, ни того значения этики, которое ей впервые в истории человечества придала философия Канта. Кант выдвинул этику как важнейшую часть философского человековедения на вершину философии, не оспаривая того, что есть и другие философские вершины, в первую очередь эпистемология, родоначальником которой следует также считать Канта, так как до него теория познания, разрабатывавшаяся философами (Д. Локк, Э. Кондильяк и др.) не была теорией *научного* знания, *философией науки*. И все же именно учение о нравственности — важнейшее теоретическое завоевание философии Канта, ибо именно он вскрыл глубинные истоки нравственного сознания. Мораль уходит корнями в непостижимые глубины истории. Она абсолютна, абсолютность эта предстает как всечеловеческая система норм поведения, без которой не было бы и общечеловеческой истории. Для Иммануила Канта это так.

Список литературы

1. *Alquié F.* La morale de Kant. Paris, 1974.
2. *Cohen H.* Begründung der Ethik. Berlin, 1910.
3. *Pothast J.* Die Unzulänglichkeit der Freiheitslewise. Frankfurt a/M, 1980.
4. *Дробницкий О. Г.* Кант — этик и моралист // Вопросы философии. 1974. № 4.
5. *Кант И.* Религия в пределах только разума // *Кант И.* Трактаты и письма. М., 1980.
6. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1964—1966. Т. 1.
7. *Коновалова И. В.* Кантианство и этический социализм // Кант и кантианцы. Критические очерки одной философской традиции: Сборник. М., 1978.
8. *Мур Дж.* Принципы этики. М., 1924.
9. *Новгородцев П. Н.* Кант и Гегель в их учении о праве и государстве. СПб., 2000.
10. *Иммануил Кант.* Речи А. Рила и В. Виндельбанда: Сборник. М., 1905.
11. *Скрипник А. П.* Категорический императив Им. Канта. М., 1968.
12. *Соловьев Э. Ю.* Категорический императив и политико-юридическое мышление эпохи ранних буржуазных революций // Этика Канта и современность: Сборник. Рига, 1989.

Об авторе

Ойзерман Теодор Ильич — академик РАН (Институт философии РАН).